

Жажда духовная

Неделя 5-я по Пасхе, о самаряныне

Ин., 12 зач., IV, 5-42

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Сегодня мы слышали Евангелие от Иоанна о беседе Спасителя с самарянойкой.

Господь много учил, беседовал с людьми, сотворил такое множество чудес, что сказано: *Суть же и ина мно́га, я́же сотвори́ Иисус, я́же а́ще бы по еди́ному пи́сана бы́ша, ни самому́ мноу всему́ міру вме́стити пи́шемых книг* (Ин. XXI, 25).

Все, что записано в Евангелии, записано особым Промыслом Божиим, Духом Святым на все времена и на все случаи жизни, в назидание нам. И если написано так подробно, — а мы слышали сейчас очень подробное повествование о самарянке, — то нужно помнить, что ни одно евангельское слово просто так не сказано, каждое слово имеет особый смысл.

Вот укоряют Спасителя и говорят Ему: *Самарянин еси Ты, и бѣса имаша*. Господь говорит: *Аз беса не имам, но чту Отца Моего* (Ин. VIII, 49). Но при этом не говорит, что Он — не самарянин (хотя он и был по плоти не самарянин), потому что Он — Отец всего человечества. Все — Его дети, и как может Отец отрекаться от Своих детей?

И потому Господь беседует с самарянской. Самаряне, как видим, приняли Его с любовью, хотя по правилам им не полагалось сообщаться. Но эти правила являются как бы некоей уздой для людей. Вообще все правила существуют для того, чтобы человеку или напомнить о чем-то, или же оградить от чего-то. Но, как известно, — и это истина очень наглядная — правила нужны только тому человеку, у которого нет твердой духовной основы, нет самого главного: смирения и любви. Когда у человека есть любовь и смирение — есть у него духовная основа, — тогда ему все эти правила просто не нужны. Это очень просто: человек, имеющий истинную любовь, не нуждается в том, чтобы для него было написано: «не плюйся», «не сори», «не ломай», «не топчи».

Все это говорит о том, что правила стали появляться только тогда, когда человек потерял самое главное. То, о чем Господь сказал, что весь закон и пророки основаны на двух заповедях: любви к Богу и к ближнему. В этих двух заповедях заключено все, и этого достаточно. Когда они исполняются — все остальное не имеет смысла, оно просто не нужно. И здесь человек поступает иногда как бы не по правилам. Но эти правила установлены для грешных людей. Для праведника они не имеют такого значения. (Праведники тоже подчиняются, но другим прави-

лам — правилам, связанным со святостью: с чистотой и духовной силой).

Это очень просто. Если запрещалось — потом уже апостольскими правилами — сообщение православных христиан с иноверцами, — как сказано сегодня в Евангелии: «вам же запрещено сообщаться с нами», — то не потому, что это вообще невозможно. А потому, что человек немощной, общаясь с тем, кто заражен каким-либо неправым учением, а еще страшнее — еретическим или богохульным, — может от этого повредиться. Поэтому и сказано, что такое сообщение — вредно, опять же, по слову Священного Писания: *со строптивым развратишися*.

Здесь нет никакого противоречия, а есть полное соответствие: *С преподобным преподобен будеши, и с мужем с мужем неповинным неповинен будеши, и со избранным избран будеши, и со строптивым развратишися* (Пс. XVII, 26-27). То есть, сообщение с кем-то чревато и последствиями соответствующими. Если ты со строптивым общаешься, то ты можешь развратиться — поэтому и было запрещено такое общение.

Но если задуматься над этим изречением, сколько в нем сказано! Три правила сообщения — во благо, и только одно — во вред, больше пользы — от общения с благом.

Конечно, *никтоже благ, токмо один Бог* (Лк. XVIII, 19). Поэтому общение с Благим только и приносит благо. Господь совершенно спокойно общался с самарянкой потому, что от Него исходит благо, у Него — большая часть, и все то неблаго, что было у самарянки, ничтожно по сравнению с тем благом, которое сообщал Спаситель.

Этот пример удивителен по своей глубине. Гос-

подь как бы нарушает правило, почему она и укоряет Его: *Ка́ко Ты жи́довѣи́н сый от мене ни́ти про́сиши, же́ны самаря́ныни сущей? Не прикаса́ются жи́дове самаря́ном.* А Господь говорит: *А́ще бы ве́дала еси́ дар Божий и Кто е́сть глаго́лай ти: даждь ми ни́ти, ты бы про́сила у Него, и дал бы ти во́ду жи́ву.* То есть, если бы ты понимала, сколько от Меня идет блага: *преподобен, избран, неповинен*, — тебе стало бы ясно, что никакого нарушения закона здесь нет. (Хотя *преподобен* — здесь не то слово, ведь *преподобен* — это подобный Богу, а здесь — Сам Источник, Тот, Кому подобает уподобляться). И, конечно, с Ним уже всё — благо.

Так это и есть. И самарянка, общаясь со Спасителем, уразумевает сразу же Его духовную сущность.

Беседа эта удивительна по своей ясности и прямоте. Если Господь с Никодимом, как с законоучителем, ученым и членом синагоги, ведет богословскую беседу, то здесь Он прямо говорит: «Мессия — это Я!» — *Аз есмь, глаго́лай с тобою.* Он открывает этой простой женщине самое высшее. И открывает прямо, без всяких иносказаний. И она воспринимает истину именно в простоте сердца — напрямую! А вот ученость всякая вынуждена что-то еще домысливать, чтобы понять.

Вот сказал ей Господь: *И́же пи́ет от воды́, ю́же Аз дам ему, не вжа́ждется во ве́ки.* И она не стала спрашивать: «Как это? Какую воду?» — но сразу попросила: *Господи, даждь ми сию́ воду.* Когда Господь говорил с Никодимом, тот усомнился, удивился, принялся спрашивать: «Как же это такое, родиться свыше? Опять в утробу?!» Начал, понимаете, рассуждениями о физиологии, об анатомии заниматься: каким же образом он опять родиться сможет? А са-

марянка не рассуждала — «Дай мне воду». Просто!

Это удивительно, конечно! Каждое слово этой беседы настолько прекрасно, что можно без конца над этим размышлять. И, если Господь открывает, умиляться глубине и ясности всего.

И — простота веры самарянки! Это как раз тот самый камень преткновения, о который многие из нас запинаются. Все дело в том, что мы на все, что происходит, смотрим только с одной точки зрения, и одни и те же слова, сказанные человеком, можем понять совсем по-разному — в меру своего духовного уровня. Господь увидел высокое устройство души самарянки и согласно этому устройению с ней беседовал. Он всегда смотрит на состояние, на устройство души.

Вот еще один пример. Евангелие от Иоанна кончается тем, что Господь, уже после Своего Воскресения, после троекратного восстановления Петра в его апостольском достоинстве вопросом: *Любиши ли Мя?* — зовет его с собой: *Иди по Мне*. И апостол Петр, следуя за Господом, оборачивается, видит идущего Иоанна Богослова и спрашивает: *Господи, сей же что?* Какая первая мысль может возникнуть у нас? Обычно: «Меня позвали, тебя не звали. Чего ты идешь?» А ведь смысл-то совершенно другой. Апостол Петр был в другом состоянии, не в том, в котором мы находимся. Да, он спросил, зачем тот идет, но совсем по другой причине. Петр верно понял. *Иди по Мне* означает: «Иди таким же путем, как Я прошел». Значит, путем Креста и страданий. Потому он обернулся и спрашивает: «Господи, а он?» То есть: «Я готов страдать. А он пусть не страдает!».

И Господь, отвечая на его внутреннее состояние, сказал: «Он не умрет, не бойся! Ты не думай об

этом!» *Аще хошú томú пребывáти, дóндеже прииду́, что к тебе?* (Ин. XXI, 15-23). То есть, до Второго Пришествия.

Господь ответил на его устроение, на его состояние.

И вот здесь тоже — удивительная, конечно, беседа! Ведь по нашим понятиям — ничего себе! — представьте себе эту женщину, у которой пять мужей уже было. О чем там с ней можно говорить? Какие там богословские беседы! «Да у нее одни мужики на уме», — так сказали бы мы. А Господь увидел, что все это совершенно не так. Совершенно не так, потому что не нужны ей были эти мужья. Ей нужна была душа — родная, понимающая. Ей нужно было духовное родство. Этого она не получила. Потому Господь и сказал ей: *Пять мужей имела еси́, и ны́не, егоже имаши, несть ти муж.* Ты не нашла того, кто был бы тебе по сердцу в истинном смысле этого слова.

Духовная жажда ее души устремлялась в земном смысле понять: где же, кто же?.. И — всё не то! Она не находила того, к чему стремилась, чего жаждала.

И теперь многие люди устремляются и туда, и сюда, всё ищут чего-то, душа жаждет — и не находит.

Существует духовное состояние молитвы, умиления сердечного — но ведь многие этого не знают! Просто «наелся-напился» — это не удовлетворяет человека. Почему люди и ищут каких-то «состояний». Почему сейчас распространилось, к несчастью, это бедствие: наркомания. Что это такое? Это та самая жажда души, которая чего-то ищет, «состояния» какого-то — чего нет в этой жизни. Ведь они же стремятся испытать состояние внутреннее, когда они «салятся на иглу».

Да, действительно, когда отняли веру, когда отняли

понятие молитвы, человек все равно продолжал стремиться к чему-то высшему. Душа требует этого, душа чего-то жаждет. И в стремлении, где бы найти утешение, чем успокоиться, люди начали, например, заниматься «аутогенными тренировками». Но там нужно все-таки какие-то усилия делать. А здесь — когда просто безвольные — втыкают иголки. С особой-то любовью мало кто относится к уколам, которые в медицине делают. А ведь здесь люди причиняют себе такую временную боль для того, чтобы потом получить что-то особенное... То есть видно, как люди стремятся к чему-то. Но совсем не в ту сторону идут. Враг ловит человека на этом пути. И большая часть людей оказывается обманутой, на ложных путях, в таком вот состоянии.

Потому и беседа с самарянянкой описана в Евангелии особенно подробно. Потому что во все времена у людей бывает такое состояние: стремление души. А в жизни получается, что это выливается в нечто совсем иное. Самарянка думала, что вот, наконец, с очередным мужем у нее устроится жизнь. А кто-то пытается утолить эту жажду в какой-то деятельности: что-то строит, другой еще что-то делает. Одним словом, все эти увлечения связаны, в конце концов, именно с этим стремлением, с жаждой духовной.

Жаждай да грядёт ко Мне и да пейт (тропарь преполовения Пятидесятницы). *Блажéни áлчуици и жáждуици прáвды* (Мф. V, 6). А когда человек свою жажду начинает утолять только чем-то земным, он неизбежно начинает опускаться. Даже те, кто пытается здесь придумывать всякие «системы». Конечно, какое-то значение это имеет, но полностью оно не удовлетворяет человека. Мирская суета не утоляет духовной жажды. Человек суетится-суетится, а еще в

древности премудрый Соломон сказал: *Се вся суетство и произволение дѹха* (Ек. I, 14). Суета и томление духа.

Вот это томление духа, когда человек томится, все ждет чего-то, все жаждет. Вот! вот! вот!.. Вот-вот будет, кажется... И, как сказано в сегодняшнем Евангелии, только тогда, когда он встречается со Христом, тогда обретает полноту жизни. Тогда душа успокаивается.

И после того, как вдумаясь в эти евангельские истины, когда постараться почувствовать их сердцем, тогда все эти несчастные люди: пьяницы, наркоманы — становятся видны совсем другими. Начинаешь видеть больные души этих людей, которые дергаются, чего-то ищут и не могут найти. Конечно, разобраться в полноте во всех в них трудно, но сущность там одна и та же. По крайней мере, душа того, кто начинает это понимать, в какой-то степени это прочувствует, сохраняется от озлобления, от осуждения, от всевозможного недовольства, какой-то желчности, потому что к таким людям просыпаются жалость, сострадание и сочувствие.

Между прочим, сейчас многое даже напечатано. Вот тут мне как раз прочитали отрывок из одной книжечки: «Беседы о нравственности». Там есть очень интересный пример — кажется, это Андерсен. Он был христианин, все сказки его — о душе. Так вот, жил-был один невоспитанный принц. Он был капризный такой. В общем-то, неплохой, но он и съязвить мог, и вообще ни с кем не считался. Ну, он был принц! И вот объявляют, что некий богатый король из соседнего государства ищет своей внучке жениха. И с тем, кто ему понравится, он ее обручит, и тот будет его наследником, и потом, со-

ответственно, королем. И через десять дней должны быть смотрины.

Сразу же к этому принцу король-отец приставляет воспитателей. И вот они начинают его учить: не плюйся, не кричи, не толкайся, тарелками не бросайся, не груби, того не делай, этого не делай. И столько этих правил, что у принца голова кругом идет, он раздражается, он запомнить ничего не может, тем более, что запоминать что-либо он вообще не привык.

Тогда король обращается за помощью к мудрецу. И мудрец приходит и говорит, что правила эти, хоть их тысячи, вообще-то не нужны. А необходимо соблюдать только два: считать себя хуже других и всех любить.

— Вот эти два правила только запомни, — говорит, — и больше ничего.

— Как же, — спрашивает принц, — я смогу любить какого-то шута, например? Он такой горбатый...

— Да вот, представь себе, — отвечает мудрец, — что он только телом такой, а душа-то у него другая.

И после этого наставления задумался принц. Вышел из покоев, запел. И тут же вспомнил, что, может, другим это неприятно. И говорит:

— Простите, что-то я громко... Я забыл, что я не один.

Пошел дальше. Кто-то что-то уронил — он поднял. Потом увидел этого шута. Тот стал перед ним кривляться. Принц присмотрелся к нему и говорит:

— Ведь ты не такой.

Шут сначала не поверил, подумал, что принц над ним смеется. И вдруг видит принц, что шут вместо прежнего игривого взгляда смотрит на него грустными и умными глазами — не такими, как обычно. И он

понял, что в шуте есть что-то, чего он раньше не замечал. А шута волшебница заколдовала, сделала внешне таким уродливым, на самом-то деле он тоже был принц, красивый и умный.

Я вам расскажу то, что относится уже не к притче, а прямо к жизни.

Вот сюда, в этот храм, однажды вошла группа молодежи. Молодые девицы, раскрашенные, намазанные, в соответствующих нарядах. Они небрежно так смотрели на всё... Отошли... А одна — как самарянка, задержалась около меня. Взглянул я на нее (подружки отошли в сторонку) и говорю:

— А эта краска — зачем всё это? Ведь ты совсем не такая...

И она заплакала. Несмотря ни на что.

Один человек, наш прихожанин, ныне покойный, его тут некоторые еще помнят, — однажды сделал замечание пьянице, что тот ругается в магазине. Когда он вышел, тот схватил его и потащил, чтобы избить. Прихожанин ему говорит:

— Ты меня, конечно, побьешь. Тебе не трудно, ты сильнее меня. Ну, а скажи вот: ты меня избьешь, ты получишь от этого наслаждение. Сегодня ты пьешь-бьешь. Завтра пьешь-бьешь. Скажи, для чего ты вообще живешь?

Тот отпустил его и сказал:

— А ты знаешь, я не знаю, для чего я живу. Со мной еще никто так не говорил. Пойдем, — говорит, — я тебя провожу..

Это всё — жизнь уже.

А в той притче принц поехал к королю на смотрины. И когда всем что-то давали, он встал самым последним, потому что считал: «Другие лучше меня, конечно, пусть

они вначале, а я уж потом». Уступал другим место. А король видит все это и спрашивает свою внучку:

— Ну, кто тебе больше всех нравится?

Она говорит:

— Вот этот принц!

И получилось, что принц двумя этими правилами: смирением и любовью — в сущности, христианскими — превзошел все правила «высшего тона».

В духовных книгах говорится, что все правила хорошего тона: как себя вести, уступать другим место, оказывать им уважение, — это просто правила православного христианина. Православный христианин, имеющий такое устройство души, это есть человек высшего общества — по своему поведению.

Теперь, когда некоторые люди имеют достаток, виллы, машины, это не значит, что они — люди высшего общества. Потому что, когда нет самого главного: любви и смирения, — то все внешнее — просто бутафория, а настоящего, духовного человека нет.

Господь может коснуться сердца человека неожиданно для него, как неожиданно встретила Христа самарянка у колодца Иаковлева. Но духовная жизнь, утоление духовной жажды требуют очень большого труда. Потому что, когда речь идет о любви и смирении, то тут мы сразу же на что-то натываемся: или наша гордыня вылезает, или враг все время старается озлобить, раздражить, расколоть — одним словом, посеять всякий раздор.

Так много заключено в этих евангельских чтениях, которые мы постоянно должны читать дома!

Почему нужно читать Евангелие? Некоторые говорят: «Что мне Евангелие читать? Я не понимаю!» Если не будешь читать, то ты и не поймешь. Нужно **читать**.

А вот **понимать** — это, во-первых, от Бога, а во-вторых, это требует прохождения опытом. Душевным опытом, начиная с отношения к своим близким.

Отец Алексей Мечёв, святой батюшка, говорил: «Нужно из своих близких делать ближних». То есть, заповедь: *Возлюбииши... ближняго своего яко сам себе* (Лк. X, 27) — это о наших близких. Это о наших семейных, наших родственниках, о тех, с кем мы живем, общаемся, работаем. Словом, это о всяком человеке, рядом с которым мы поставлены Промыслом Божиим. Вот с этого нужно начинать. Это и есть как раз тот самый «самарянин», о котором Господь говорит в притче о милосердном самарянине, отвечая на вопрос: *Кто есть ближний мой?* (Лк. X, 29). Человек некий шел, впал в руки разбойников, и самарянин проявил к нему милосердие. Видите: опять самарянин. Сколько раз в Евангелии это встречается. В другом месте мы слышали, как Господа укоряли, называя самарянином. И здесь — беседа с самаряной. Это всё говорит о том, что важно не то, какого происхождения человек в земном смысле, из каких он «слоев общества», а все зависит от его внутреннего содержания.

И обратите внимание — ну просто каждое слово в Евангелии значимо! — Спаситель говорит: *Отец таких ищет...* Там есть такие слова! Почитайте еще раз. Его нужно все время читать, Евангелие. Читать и читать. Господь говорит: *Грядёт час, и ныне есть, егда истиннии поклонницы поклонятся Отцу духом и истинною, ибо Отец таковых ищет поклоняющихся Ему.* То есть, во всяком народе, во всяком слое общества, во всяком положении, в каждый момент жизни Господь ищет таковых, которые воспринимают Его слова душой, которые поклоняются *духом и истинною*.

Что значит — *духом и истиною*? Дух — это внутреннее состояние человека, а истина — это его жизнь. Когда есть дух, то должно быть соответствующим и всё остальное. Если в тебе Дух Божий, то ты не будешь ни кричать, ни ругаться. У тебя и слова будут кроткие, сдержанные, с любовью, с теплом. Если таков Дух, вот тогда это истина.

Когда же говорят: «Я в душе верую, у меня Бог — в душе», — а в жизни — «Р-р, р-р...», — то это ложь, здесь истины нет. Не знаю, как насчет духа, а истины тут явно нет.

Духом и истиною поклоняющихся — таковых, сказано, Господь ищет. Это значит: в каком бы положении человек ни был, кто бы он ни был, даже в какой момент жизни бы он ни был, Господь все равно ищет такового. И если в нем есть хоть что-то от истины, Господь старается его извлечь.

Примеры пастырской жизни показывают, что люди приходят к Богу из разных положений, состояний, разного пола — кто угодно. Одним словом, Господь выбирает пшеницу по зернышку. Плевелы — те в снопы связывают, их много, а пшеницу по зернышку собирают.

Отец Сергей — Царствие ему Небесное — говорил кратко: «Душу свою нужно перестраивать на евангельский строй». Душу перестраивать. Видите, когда он еще говорил насчет перестройки-то! Мы только не тем занялись. Перестройка-то — это правильно. Только — души. А когда «перестраиваются», пересаживаясь, то об этом Иван Андреевич Крылов уже сказал: «Квартет» там был у него. Они как ни «перестраивались», как ни пересаживались, а так и остались: осел, козел, мартышка и косолапый мишка.

А ведь все это не просто так, Иван Андреевич Крылов был глубоко верующим человеком. Мартышка — это та, которая всё обезьянничает, у других всё перенимает, с Запада, еще откуда что. Осел — ну, его качества тоже известны. Качества козла тоже не нужно объяснять: ни молока от него, ничего... Медведь — тот, соответственно, всё ломает. Еще преподобный Амвросий Оптинский говорил: «Теория — это придворная дама (помните, мы говорили о поведении?), а жизнь, практика — медведь в лесу».

В Библии еще хлеще есть примеры. Валаам был мудрец. И его не осел даже, а ослица (женский пол был в древности на втором месте) вразумила. Мудреца — вразумила ослица! Так что, если внимательно ко всему относиться, то кто знает, может, и от осла поучиться можно. Ну, не от всякого, у Валаама одна такая ослица была. Истина никогда не бывает за большинством... ослов. А если не ослов большинство — то там может быть истина.

Вот как Евангелие дает нам пищу для размышлений — прямо о жизни. Поэтому, когда говорят: «Да чего там читать, да что там!» — ответ простой: там — всё. Сказал об этом, кстати, Белинский, когда его еще не занесло к революционным идеям. Он писал:

«Есть книга, в которой сказано всё, всё решено, после которой ни в чем нет сомнения, книга бессмертная, святая, книга вечной истины, вечной жизни — Евангелие. Весь прогресс человечества, все успехи в науках, в философии заключаются только в большем проникновении в таинственную глубину этой Божественной книги... Основание Евангелия — откровение истины посредством любви и благодати».

Да, всё там есть. Так что ни для кого оправдания

нет — это дано всем. Если желаешь... Вот, как самарянка желала, душа ее стремилась — и Господь пришел туда, где она жила, и беседовал с ней. И сказал ей, что Он — Мессия. А кто не желал этого, как книжники и фарисеи, которые утверждали свое, те так и не смогли Его узнать, и не сказал Он им этого, когда они спрашивали: *Аще Ты еси Христос? Рцы нам.* Он отвечал им: *Аще вам реку, не имете веры* (Лк. XXII, 67). Потому что у них не было искреннего желания найти истину.

Искреннее желание ведь что влечет за собой? Как сказано? Господь говорит: *Аще кто хощет по Мне ити, да отвержется себе, и возьмет крест свой, и по Мне грядет* (Мф. XVI, 24). То есть, нужно от чего-то отказываться, чего-то себя лишать. А тут уже начинается подвиг, а мы от подвига все в разной степени бежим. Потому и немного спасающихся. Сказано: *Пространная врата и широкый путь вводя в пагубу...* Больше число идет этим путем: «О, свобода! Ничего не требуется, можно делать, что хочешь!» И узкий путь: *узкая врата и тесный путь вводя в живот* (Мф. VII, 13, 14).

Вот ответ. Не потому идут широким путем — как обычно говорят, всякие оправдания начинаются: потому-то, оттого-то... Нет! Всё очень просто: там, где подвиг, там путь спасения. Там, где нет усилий, там путь погибели.

Как-то сидели мы тут, беседовали, приехал один архимандрит, ныне уже покойный, и отец Сергей говорит:

— А для спасения-то нужен подвиг. А без подвига-то — не спастись.

И так несколько раз повторял. Посидит — и опять:

— А без подвига-то не спастись...

И вот потому-то наша Православная Церковь всем: и богослужением своим, и постами, и стоянием на молитве — приучает нас к посильному подвигу. И подвиг этот, то есть преодоление каких-то даже малых трудностей, уже в этой жизни дает плод. Отец Иоанн (Крестьянкин) сказал: «Для того, чтобы научиться свободе, нужно преодолеть страдание». Ну, для нас это высоковато, конечно, — хотя бы преодолеть дискомфорт. Вот стоишь, спину ломит, нога затекла, еще что-то такое — мелкие какие-то вещи. Преодолеть это — ну и всё: меньше раздражения, меньше расстройств, меньше всякого недовольства.

Так что путь — один. Это путь креста, путь труда, путь преодоления. *В міре скорбни будете* (Ин. XVI, 33). *Претерпёвый до конца, той спасён будет* (Мф. X, 22). *В терпении вашем стяжите души ваша* (Лк. XXI, 19). *Царствие Небесное нудится* (Мф. XI, 12). Это всё — одно. Как ни возьмешь, всё об одном и том же говорится: нужно трудиться.

Никтоже возложь руку свою на рало и зря вспять, управлен есть в Царствии Божии (Лк. IX, 62).

Наш наставник, профессор Московской Духовной Академии отец Иоанн Козлов (Царствие ему Небесное!) как-то вышел перед семинаристами говорить проповедь (он долго не мучил, потому что умел говорить — не так, как я...) и сказал только: «Вот, вы решились трудиться на ниве Христовой (сегодня о ниве, кстати, был разговор), — так вот: возложите руку свою на рало и не озирайтесь, пашите глубже!» Аминь.

12 мая 1986 г.